

Р.Д.Шакирова

ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ОЦЕНОЧНОЙ СТРУКТУРЫ

Набережночелнинский государственный педагогический институт

The article deals with the basic components of value structure expressing the modal semantics of the trustworthiness including explicit and implicit components: subject, object, scale and founding.

Отмечаемое в последнее время повышение интереса лингвистов к выявлению структуры разнообразных ситуаций можно, вероятно, связать как с усилением внимания к коммуникативному аспекту языковых явлений, так и со стремлением к более полному охвату исследуемого материала. В данной статье рассматриваются основные компоненты структуры оценки модальной ситуации достоверности на материале современного немецкого языка.

Говоря о компонентах структуры оценки вообще, следует прежде всего отметить, что сама оценочная структура была обстоятельно разработана в аксиологии, изучающей, как известно, природу ценностей и их место в реальности, а также структуру ценностного мира. В логике оценок выделяются четыре ее «компонента» или «части»: субъект, предмет, характер и основание, которые, по мнению А.А.Ивина [1], характеризуют все оценки, выраженные в языке.

Для лингвистических исследований применяется более сложная модель структуры, в которую входят, с одной стороны, эксплицитные и имплицитные элементы, а с другой, — элементы, актуализирующие оценочную семантику в равной степени в эксплицитном и имплицитном режиме. Об этом пишет, в частности, Е.М.Вольф [2], которая одной из первых в отечественной лингвистике обратилась к анализу оценочного значения. Эксплицитным элементом считается объект оценки, тогда как к имплицитным компонентам причисляются шкала оценок, оценочные стереотипы и аспект оценки. Эксплицитно и имплицитно выраженными элементами структуры называются субъект, аксиологические предикаты и мотивировка оценок.

Как видим, в отличие от логики оценок в языкознании выделяется большее число элементов оценочной структуры, из которых лишь два, а именно субъект и предмет (или объект), составляют оценочную ситуацию в данных областях научного познания. При этом структура не только расширяет количественный состав своих компонентов, но дифференцирует их в зависимости от способа выражения в языке.

При исследовании модальных отношений структура оценки не получила такого широкого освещения, как это отмечается в аксиологии. Тем не менее отдельные авторы включают в семантику тех или иных подтипов модальности смысловую рамку, учитывающую структуру оценки. Например, при характеристике семантической структуры побудительных конструкций, а побудительность относится отдельными исследователями к категории модальности,

Н.И.Поройкова [3] выделяет такие компоненты побудительной ситуации, как инициатор побудительного действия, речевое действие, каузируемое действие, субъект (исполнитель) каузируемого действия, являющийся объектом каузации (речевого воздействия).

Анализируя алетические модальные конструкции, Л.А.Бирюлин [4] также включает в их семантическое представление смысловую рамку прогноза, структура которой состоит из таких элементов, как прогнозист, предмет и база прогноза. Прогнозист может быть эксплицитно выраженным или подразумеваться имплицитно, но почти всегда роль прогнозиста выполняет говорящий. Предмет прогноза отождествляется с объектом, относительно которого осуществляется прогноз. Понятие базы прогноза соотносится со знанием обстоятельств, способствующих или препятствующих осуществлению некоторого события в будущем. Из сказанного становится очевидным, что структура прогноза в действительности повторяет структуру оценочной ситуации аксиологических высказываний. Так, прогнозист может быть соотнесен с субъектом оценки, а предмет и база прогноза — соответственно с объектом и основанием оценки.

Приступая непосредственно к изучению структуры оценочного значения модальной ситуации достоверности, отметим, что сама достоверность понимается нами традиционно, а именно как понятие, характеризующее степень соответствия содержания высказывания объективной действительности с точки зрения говорящего.

К основным элементам ситуации оценки достоверности информации мы относим: эксплицитный — объект оценки, имплицитные — шкала оценки и основание, а также одновременно эксплицитный и имплицитный компонент — субъект оценки.

Главным фигурантом оценочной структуры является, вне всякого сомнения, субъект, поскольку ему отводится решающая роль в оценке степени достоверности сообщения. Эта оценка соответствует его языковой картине мира и находится в зависимости от предварительных знаний о сообщаемой ситуации, жизненного опыта и коммуникативной интенции.

Субъектом оценки, воплощающимся в высказывании в имплицитном и, крайне редко, в эксплицитном виде, становится лицо, с точки зрения которого производится оценка. Известны два эксплицитных способа реализации субъекта в высказывании: 1) посредством выражений типа *по моему мнению, на мой взгляд* и т.д.; 2) посредством употребления глаголов мнения, предположения и т.д. в 1-м лице единственного числа: *я думаю, что...; я предполагаю, что...; я уверен, что...* . В

остальных случаях субъект оценки, как правило, эксплицитно не обозначается и отождествляется с самим говорящим. Субъектом оценки является конкретное лицо, реже совокупность лиц, объединенных в коллектив. Вместе с тем В.И.Карасик [5] указывает на возможность отстранения говорящего от оценочной квалификации при использовании, например, формулы типа «есть мнение».

Особого внимания заслуживает субъект оценки в художественном произведении. Будучи, в сущности, вымыслом автора, литературный текст на самом деле не имеет непосредственного отношения к объективной реальности. Оценка используется здесь в прагматических целях для оказания определенного ментального или эмоционального воздействия на адресата.

Известно, что маркеры субъективной модальности принадлежат к эгоцентрическим элементам языка, к которым Е.В.Падучева [6] причисляет слова, категории и конструкции с семантикой, предполагающей отсылку к говорящему субъекту или к какому-то его аналогу. При анализе подобных элементов принимается во внимание контекст всей коммуникативной ситуации с учетом не только говорящего, но и адресата. Для уточнения разногласия плана повествования и плана речи, которое может возникнуть при неполноценности ситуации, вводится понятие режима интерпретации эгоцентрических элементов. Речевой (или диалогический) режим характеризует полноценную коммуникативную ситуацию, тогда как при неполноценности ситуации речь идет о нарративном или синтаксическом режиме. При речевом режиме оценка производится с точки зрения говорящего, тогда как при нарративном режиме эта функция возлагается на персонажа произведения, а при синтаксическом — оценку осуществляет текстовый субъект, выраженный подлежащим главного предложения. Другими словами, роль субъекта оценки наряду с говорящим могут выполнять персонаж произведения и синтаксический субъект. Так, модальное слово (МС) *unbedingt*, маркирующее категоричность желания, употребляется в художественной прозе чаще всего в нарративном режиме: *Einige wollten unbedingt Rückzüge ausbauen...* (G.Grass).

Другой компонент оценочной структуры, объект оценки, имеет отношение к высказываниям, сформулированным на базе «обыденного знания». Иначе говоря, оценивается степень достоверности знаний, полученных в результате чувственного восприятия в ситуациях экстравертного или интравертного наблюдения и знания по прошлому опыту, а также рационального познания действительности и в ходе повседневной межличностной и массовой коммуникации.

Знание, на основе которого говорящий строит свое высказывание, может быть в равной степени как достаточными и полными, так и недостаточными и неполными — и вызывать сомнение. В случае необходимости говорящий приводит источник своего знания. При этом перцептивная информация квалифицируется по степени полноты знания, выводное знание — по степени субъективной уверенности говорящего

в вероятности, знание «из вторых рук» — по степени его достоверности. В последнем случае речь идет о косвенной достоверности.

В этой связи обратимся к примерам из художественной литературы. Так, МС *wirklich* маркирует очень высокую степень достоверности перцептивной информации, сформулированной на базе оптического восприятия: *Ich sehe mich um. Das Zimmer ist wirklich klein* (B.Lebert). В отличие от МС *wirklich* глагол *scheinen* демонстрирует снижение уровня достоверности информации, полученной посредством визуального наблюдения: *In weiter Ferne auf einer Kreuzung sah sie DL-Wächter blau leuchten. Sie schienen mit etwas zu kämpfen. Mila konnte es wegen der Entfernung nur schlecht erkennen* (K.Wasserfall).

Высказывание, сформулированное на основе интеллектуальной деятельности, детерминировано способностью человека к анализу и синтезу нового знания на базе ранее приобретенных знаний и наблюдения. Например, МС *sicher* связано с выражением высокой степени субъективной уверенности говорящего в вероятности сообщения: *Er war groß und trug eine Sonnenbrille. Sicher gehörte er zu den Amerikanern, die gestern... angekommen waren* (B.Noak). В противоположность МС *sicher* другое МС *vermutlich* свидетельствует уже о снижении уверенности говорящего в вероятности высказывания. В коммуникативном контексте содержатся указания на отсутствие в памяти говорящего воспоминаний о событии, которое произошло в прошлом: *Ich erinnere mich auch nicht mehr, wie ich Frau Schmitz begrüßt habe. Vermutlich hatte ich mir zwei, drei Sätze über meine Krankheit, ihre Hilfe und meinen Dank zurechtgelegt und habe sie aufgesagt* (B.Schlink).

Вторичность знания маркируется конъюнктивными формами, которые передают разную степень достоверности исходного высказывания с точки зрения передающего. Оформляя косвенную речь конъюнктивом презенса в одном случае, репродукцент подчеркивает более высокий уровень достоверности, тогда как претеритальная форма свидетельствует о снижении меры достоверности: *Sie heiße Dagmar Dorst, sagte die nächste* (J.Kuckart); *Dann nahm ich nichts mehr wahr. Irgendwann kam ich zu mir und lief untergehakt neben der Frau, die mir erklärte, sie heiße Fanny* (J.Arjoni).

Переходя далее к такому компоненту структуры, как шкала, необходимо уточнить, что идея исследования модальности с учетом понятия шкалы была инициирована работой Дж.Лайонза [7], который рассматривал три шкалы модальности: 1) шкалу «желания» и «намерения» (*Requiescat in pace*), 2) шкалу «необходимости» и «обязательности» (*I must go to London next week*), 3) шкалу «уверенности» и «возможности» (*He may be here; He must be here*).

Большое внимание отечественная лингвистика уделила изучению шкалы вероятности, связанной с выводным знанием. Вместе с тем, как было показано выше, при утверждении знания, приобретаемого в результате перцептивного восприятия, также происходит оценка степени его достоверности. Знание, полученное «из вторых рук», также можно и нужно оценивать с позиции уровня достоверности исходно-

го высказывания. Следовательно, шкалу вероятности можно отождествить со шкалой достоверности.

Говоря о шкале вообще, отметим, что, например, для Е.И.Беляевой [8] шкала вероятности представляет собой семантический континуум с крайними точками «вероятность равна нулю» и «вероятность равна единице», между которыми располагаются значения эпистемической возможности и эпистемической необходимости.

Одно из наиболее известных толкований шкалы вероятности принадлежит А.А.Зализняк [9], которая отождествляет шкалу вероятности со шкалой степеней уверенности и представляет ее как континуум значений от нуля до единицы. Каждой маркер вероятности связывается с определенным интервалом количественных значений вероятности, которые пересекаются, а их границы размыты.

Согласно нашей точке зрения, шкала достоверности представляет собой градуированную последовательность, в которой отражается разная степень достоверности высказывания. Причем наблюдается постепенное нарастание меры достоверности, от самой низкой на одном конце шкалы до самой высокой — на другом.

Известно, что любая оценочная шкала применительно к языку имеет, по крайней мере, три зоны или ситуации: плохую, среднюю, хорошую. Говоря, например, о количественной характеристике шкалы вероятности, большинство исследователей единодушно выделяют на ней три зоны: маловероятной — возможной — высоковероятной; невысокой — средней — высокой; низкой — высокой — максимальной; возможной — вероятной — высоковероятной степени. Важно подчеркнуть, что средняя или нейтральная позиция на шкале оценок обычно склоняется к зоне «плохого». На это указывает Э.Сэпир [10]. Такая же картина наблюдается при оценке степени достоверности высказывания, так что и понятие нейтральной достоверности отсутствует. Достоверность характеризуется признаком градуальности, полярные точки на шкале которой обладают значением «высокая степень достоверности» — «низкая степень достоверности».

Следующий компонент оценочной структуры — основание оценки связан с экстралингвистическими факторами и соотносится с самим коммуникатив-

ным актом и его участниками. При этом учитывается статус «хозяина» информации и статус адресата, а также содержание информации. Условием для выражения субъективной оценки говорящим является в первую очередь его желание. Даже тогда, когда информация, согласно его данным, не является достоверной, он может не проявить своего отношения к ней. В таком случае какие-либо маркеры, демонстрирующие разную степень достоверности информации, отсутствуют в высказывании. Безусловно, конкретный коммуникативный акт предполагает учет не одного экстралингвистического фактора, речь может идти об их совокупности.

Итак, мы рассмотрели основные компоненты структуры оценки модальной ситуации достоверности, в которой выделили субъект, объект, шкалу и основание оценки. Одни из этих компонентов, шкала оценки и основание, выражены в языке имплицитно, тогда как другой элемент, объект оценки, — эксплицитно, а такой компонент, как субъект оценки, реализуется в эксплицитном или имплицитном режиме.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-04-00047а).

1. Ивин А.А. Основание логики оценок. М., 1970. С.21.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2002. С.47.
3. Поройкова Н.И. К характеристике семантической структуры ситуации побуждения // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания. Л., 1985. С.27.
4. Бирюлин Л.А. О семантике алетических модальных конструкций // Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985. С.170-180.
5. Карасик В.И. Язык социального статуса М., 2002. С. 231.
6. Падучева Е.В. Модальность сквозь призму дейксиса // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. статей памяти В.А.Белошапковой / Сост. Т.В.Белошапкова, Т.В.Шмелева. М., 2001. С.185.
7. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику. Благовещенск, 1999. С.326.
8. Беляева Е.И. Достоверность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С.163.
9. Зализняк Анна А. «Знание» и «мнение» в семантике предикатов внутреннего состояния // Коммуникативные аспекты исследования языка. М., 1986. С.12-13.
10. Сэпир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. М., 1985. Вып.ХVI. С.62.